

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ДЕЛАХ О НАСЛЕДОВАНИИ ПО ЗАКОНУ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Е.В. Вершинина*, *А.Д. Фокина***

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с определением применимого права в делах о наследовании по закону в России, и поиску возможных путей их решения на основе опыта зарубежных стран. Целью исследования явился поиск путей дальнейшего совершенствования действующего российского коллизионного регулирования наследования по закону. Для достижения данной цели авторами был проведен сравнительный анализ преимуществ и недостатков российских и зарубежных нормативных актов, содержащих коллизионное регулирование наследования по закону. Во введении рассматриваются причины отсутствия единообразного нормативно-правового регулирования в сфере наследования по закону. В основной части статьи анализируются несовершенства положений Гражданского кодекса Российской Федерации и двусторонних договоров с участием Российской Федерации о праве, применимом в отношениях по наследованию, а именно расщепление коллизионной нормы и привязка к последнему месту жительства, которая не во всех случаях позволяет применить то право, с которым действительно связано наследственное правоотношение. Далее авторами исследуется коллизионное регулирование отношений наследования по закону в Гаагской конвенции о праве, применимом к вопросам наследования имущества умерших, от 1 августа 1989 года и в Регламенте (ЕС) № 650/2012 Европейского Парламента и Совета от 4 июля 2012 года «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении аутентичных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского сертификата о наследовании». На основе выявленных преимуществ коллизионного регулирования наследования по закону, содержащегося в указанных актах, авторы приходят к выводу о том, что действующая редакция статьи 1224 ГК РФ не свободна от несовершенств. В качестве возможных путей решения выявлен-

.....
* Вершинина Елена Валерьевна – доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, член Российской Ассоциации международного права, член Ассоциации юристов России.
elena.v.vershinina@gmail.com

** Фокина Александра Дмитриевна – соискатель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, член Российской Ассоциации международного права. alexandra-fokina@mail.ru.

ных проблем авторами предлагается установление более гибкого коллизионного регулирования и последовательное проведение принципа единства наследственной массы в делах наследования по закону в праве России.

Ключевые слова: наследование по закону; применимое право; наиболее тесная связь; Регламент ЕС; Гагская конвенция.

Введение

Наследственное право является одной из наиболее консервативных подотраслей гражданского права, поскольку исторически находится под влиянием норм морали, этики, религии, семейных укладов и национальных традиций, которые формируются с начала истории государства и отличаются зачастую не поддающимся изменению своеобразием [Абраменков, 2007, с. 76; Международное частное право, 2004, с. 441]. Данное утверждение справедливо и в отношении коллизионного регулирования наследования, где унификация затрудняется самой природой коллизионных норм, которые, являясь нормами частного права, обладают некоторыми свойствами публично-правовых норм ввиду их направленности на регулирование действий органа власти [Брун, 1915, с. 74-75]. Так, согласно п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), право, которым регулируются гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом, определяется на основании международных договоров Российской Федерации, ГК РФ, а также законов и обычаев, признаваемых в РФ. Из данного закрытого перечня источников международного частного права России следует, что суды в Российской Федерации при определении применимого права не вправе применять нормы иностранного международного частного права.

Поскольку договоры о правовой помощи по гражданским делам, стороной которых является Россия, зачастую не содержат коллизионные нормы о наследовании, то в большинстве случаев именно коллизионное регулирование, содержащееся в ГК РФ, является обязательным для применения судами Российской Федерации.

Вероятно, именно эти особенности наследственного права в целом и коллизионного регулирования данной сферы в частности являются причинами отсутствия единообразного нормативно-правового регулирования международного наследования. Тем не менее создание унифицирующего акта в данной сфере могло бы минимизировать правовую неопределенность, вызванную различиями национального материального и коллизионного регулирования наследования. Попытка принятия такого международного соглашения была предпринята 1 августа 1989 года, когда на XVI сессии Гагской конференции по международному частному праву была подписана Конвенция о праве, применимом к вопросам наследования имущества умерших (далее – Гагская конвенция 1989 года)², в которой впервые был закреплен совершенно новый подход к коллизионному регулированию, предполагающий применение принципа наиболее тесной связи в качестве самостоятельной коллизионной привязки, а также был установлен принцип единства статута наследования. Несмотря на то, что Конвенция так и не вступи-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

² Convention of 1 August 1989 on the Law Applicable to Succession to the Estates of Deceased Persons. Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=62> (дата обращения: 05.02.2017).

ла в силу, ее положения легли в основу Регламента (ЕС) Европейского Парламента и Совета от 4 июля 2012 года «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении аутентичных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского сертификата о наследовании» (далее – Регламент ЕС № 650/2012)³, который содержит общеевропейское коллизионное регулирование наследования и представляет новые и во многом успешные варианты решения коллизионных проблем, исследование которых представлено в настоящей статье.

Учитывая, что одним из направлений реформы раздела VI ГК РФ «Международное частное право», осуществленной в 2013 году путем принятия Федерального закона «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴, стало существенное расширение гибкого коллизионного регулирования (так, принцип наиболее тесной связи не только стал применяться как общая коллизионная норма в силу ст. 1186 ГК РФ, но и был закреплен в качестве самостоятельной привязки в ст. 1188, 1211, 1213, 1216 ГК РФ) [Ходыкин, 2005, с. 84], а также принимая во внимание тот факт, что реформа до настоящего времени не охватила статью, регулируемую применимое право в делах наследования, целесообразно уделить внимание изучению проблем, связанных с действующим в России коллизионным регулированием наследования.

Статья 1224 ГК РФ и положения двусторонних договоров с участием России о праве, применимом в отношениях по наследованию.

Статья 1224 ГК РФ «Право, подлежащее применению к отношениям по наследованию» представляет собой классический пример расщепления коллизионной нормы, предусматривающей возможность одновременного применения в делах международного наследования по закону трех коллизи-

онных привязок. Основной коллизионной привязкой является привязка к праву последнего места жительства наследодателя на момент его смерти. Данная привязка, исходя из смысла нормы, регулирует основную часть наследственных правоотношений, за исключением наследования недвижимого имущества. В свою очередь, наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где оно находится, а наследование недвижимости, внесенной в государственный реестр Российской Федерации, – по праву Российской Федерации.

Важно подчеркнуть, что данная система коллизионных привязок не только не устанавливает их альтернативное применение, но и предполагает одновременность их действия в случаях, когда движимое и недвижимое имущество умершего находится на территории разных государств. В связи с этим возникает вопрос о соответствии действующего коллизионного регулирования наследования по закону одной из составляющих принципа универсальности правопреемства – фундаментального принципа наследования, закрепленного в ГК РФ в 2002 году в самом определении понятия наследования. Согласно ст. 1110 ГК РФ, открывающей главу 61 ГК РФ «Общие положения о наследовании», при наследовании вся совокупность прав и обязанностей наследодателя переходит к наследникам в порядке универсального правопреемства, то есть:

- в неизменном виде;
- как единое целое – *в данном положении сформулирован принцип единства наследственной массы;*
- в один и тот же момент.

Принцип единства наследственной массы выражается в том, что по наследству переходит все наследственное имущество (наследственная масса), то есть невозможно наследование лишь вещей или только отдельных вещей, запрещено принять актив, отказавшись от пассива наследственной массы [Гражданский кодекс Российской

³ Règlement (UE) № 650/2012 du Parlement Européen et du Conseil du 4 juillet 2012 relatif à la compétence, la loi applicable, la reconnaissance et à l'exécution des actes authentiques en matière de successions et à la création d'un certificat successoral européen // Journal officiel de l'Union européenne, 27.7.2012, p. 107-134.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.09.2013 № 260-ФЗ // Российская газета. – № 223. – 04.10.2013.

Федерации. Постатейный комментарий к разделу V: Наследственное право, 2013, с. 16].

В литературе неоднократно поднимался вопрос о противоречии действующей системы коллизионных привязок принципу единства наследственной массы [Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный), 2015; Абраменков, 2007, с. 27], поскольку она неизбежно ведет к фактическому разделению наследственной массы на две части – движимое и недвижимое имущество, которые зачастую регулируются нормами различных правопорядков. Такая раздельная система коллизионного регулирования свойственна странам общего права (США, Австралия, Великобритания), в то время как страны универсальной системы (Австрия, Испания, Германия и другие страны континентальной правовой семьи) отдают предпочтение единой коллизионной привязке, тем самым реализуя принцип единства статута наследования [Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI, 2014, с. 183]. Несмотря на то, что ст. 1110 ГК РФ не применяется, если коллизионная норма российского права указывает на применение иностранного права, а в п. 1 данной статьи предусмотрена возможность отступления от принципа универсальности правопреемства, если это прямо предусмотрено в ГК РФ (к случаям такого расщепления наследства относятся, в частности, наследование невыплаченных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию, право на определенные п. 1 ст. 1183 ГК РФ денежные суммы, причитающиеся нетрудоспособным иждивенцам наследодателя) [Основы наследственного права России, Франции и Германии, 2015, с. 5-6], противоречие ст. 1224 ГК РФ принципу единства наследственной массы проявится в полной мере, если он окажется закрепленным в качестве основополагающего принципа применимого к наследственным правоотношениям права иностранного го-

сударства. Поскольку коллизионная норма отсылает всегда к материальному праву соответствующей страны в целом (п. 1 ст. 1190 ГК РФ), а не к его отдельным нормам, неизбежно возникновение ситуаций, при которой сам факт урегулирования иностранным применимым правом какой-либо части, а не всей совокупности наследственной массы вступит в противоречие с принципом, лежащим в основе положений применимого иностранного права.

Исследователи в области международного частного права отмечают, что расщепление коллизионной привязки приводит к практическим трудностям, связанным, к примеру, с теми ситуациями, когда у российского гражданина, постоянно проживавшего и умершего за рубежом, имелся банковский вклад в Российской Федерации. Вклад является движимым имуществом, и, исходя из привязки к последнему месту жительства, применимым правом является право иностранного государства, в котором российский гражданин постоянно проживал, однако на практике наследник должен был обратиться к российскому нотариусу для выдачи свидетельства о праве на наследство [Ботанцов, Малкин, 2015, с. 107].

В литературе также отмечается, что одной из распространенных проблем действующего коллизионного регулирования является установление последнего места жительства наследодателя, что связано с неопределенностью понятия «место жительства» [Международное частное право, 2015, с. 522-524]. В силу действия п. 1 ст. 1187 ГК РФ, суд Российской Федерации при определении применимого права должен руководствоваться положениями ст. 20 ГК РФ, согласно которой место жительства – это место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Более детализированное определение данному понятию находим в ст. 2 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»⁵, согласно которой место жи-

⁵ Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 № 5242-1 // Российская газета. – № 152. – 10.08.1993.

тельства – это жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства. В связи с этим возникает проблема установления места жительства в тех государствах, где регистрация по месту жительства не является обязательной. Для определения места жительства в таких ситуациях используется большое количество документов (свидетельства и справки, выдаваемые зарубежными государственными властями, в которых содержится информация о месте жительства конкретного лица, длительности его проживания по тому месту жительства; свидетельства о праве собственности или аренды на недвижимость, о несении расходов по содержанию недвижимости и т.д.) [Настольная книга нотариуса, 2015, с. 154], однако сложившаяся практика не решает проблем правовой неопределенности, к примеру, в случае, если наследодатель сменил свое последнее место жительства незадолго до своей смерти, сохранив официальную регистрацию или жилой дом в собственности в ином государстве. В рассматриваемой ситуации ввиду отсутствия по российскому праву обязательного критерия продолжительности проживания в месте постоянного жительства суд Российской Федерации, скорее всего, признает последним местом жительства государство, в котором умерший был зарегистрирован.

Возможным решением проблем, связанных с привязкой к последнему месту жительства наследодателя, могла бы стать возможность применения права страны, с которой правоотношения наследования наиболее тесно связаны. Однако ст. 1224 ГК РФ, в отличие от иных норм российского международного частного права (например, п. 9 ст. 1211, п. 1 ст. 1213, п. 3 ст. 1219 ГК РФ), не предусматривает в прямо выраженной форме возможность установления

применимого права по принципу наиболее тесной связи. Более того, формулировка п. 1 ст. 1224 ГК РФ фактически исключает возможность определения статута наследования на основании иных норм, содержащихся в разделе VI ГК РФ: согласно п. 1 указанной статьи, отношения по наследованию определяются по праву страны, в которой наследодатель имел свое последнее место жительства на момент смерти, *«если иное не предусмотрено настоящей статьёй»*. Привязка к месту жительства, несмотря на ряд недостатков, в большинстве случаев позволяет установить конкретное место, даже если оно не было фактическим последним местом жительства умершего. С учетом этого обстоятельства представляется затруднительным применение п. 2 ст. 1186 ГК РФ об определении применимого права на основании принципа наиболее тесной связи, поскольку основным условием его применения является невозможность определения права на основании источников международного частного права, перечисленных в п. 1 той же статьи (основным источником в отсутствие международного договора является ГК РФ). Исходя из того, что принцип наиболее тесной связи, являясь основой коллизионного регулирования в целом и будучи установленным в качестве привязки, которая может применяться независимо от ее указания в иных коллизионных нормах [Кабатова, 2001, с. 9; Ходыкин, 2002, с. 208-221], тем не менее специально устанавливается в ряде статей раздела VI ГК РФ в качестве самостоятельной коллизионной привязки (см. п. 9 ст. 1211, п. 1 ст. 1213, п. 3 ст. 1219 ГК РФ), его применение при определении применимого права в делах международного наследования на основании ныне действующих российских коллизионных норм может оказаться проблематичным.

Аналогичный подход к коллизионному регулированию наследования по закону используется и в международных договорах с участием Российской Федерации. Так, в ст. 45 Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным де-

лам от 22 января 1993 года⁶ (далее – Минская конвенция) предусматриваются самостоятельные коллизионные привязки для движимого и недвижимого имущества, входящего в наследственную массу. Двусторонние договоры о взаимной правовой помощи также отдают предпочтение раздельному коллизионному регулированию движимых и недвижимых вещей. Разница регулирования заключается лишь в коллизионной привязке, применимой к наследованию движимого имущества: как правило, используется привязка к праву страны последнего места жительства наследодателя, но в некоторых договорах – к праву страны гражданства наследодателя (в договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам с КНДР, Венгрией, Румынией, Болгарией, Вьетнамом, Кубой). Использование единой коллизионной привязки, равно как применение принципа наиболее тесной связи для установления применимого права в делах о международном наследовании в договорах не установлено.

Коллизионное регулирование наследования в Гагской конвенции 1989 года и в Регламенте ЕС № 650/2012.

Возможность определения применимого права в делах наследования, осложненного иностранным элементом, на основании принципа наиболее тесной связи впервые была сформулирована в Гагской конвенции 1989 года. Несмотря на то, что Конвенция так и не вступила в силу, не набрав необходимого количества участников, интерес и важность ее изучения обусловлены тем, что, во-первых, Российская Федерация является участницей Гагской конференции по международному частному праву, в рамках которой была разработана рассматриваемая Конвенция, а во-вторых, идея о применении принципа наиболее тесной связи в делах международного наследования была относительно недавно реализована, как будет показано далее, в современном европейском праве.

Итак, нестандартное решение коллизионного вопроса в делах международного наследования содержится в ст. 3 указанной Конвенции, в которой отражен поиск баланса между двумя коллизионными привязками – правом государства гражданства и обычного места жительства.

Общая коллизионная привязка, устанавливающая право, применимое в деле международного наследования, указывает на право обычного места жительства (данную привязку разработчики предпочли в качестве более объективного критерия, чем место жительства, подразумевая под ним место действительного, фактического проживания [Медведев, 2007, с. 94]). Однако применение данной привязки обусловлено гражданством наследодателя на день смерти: наследование регулируется правом того государства, где умерший на момент своей смерти имел свое обычное место жительства, если в тот момент он имел гражданство данного государства (п. 1 ст. 3). Право страны обычного места жительства наследодателя применяется и в тех случаях, когда она не совпадает со страной гражданства наследодателя, если умерший проживал в государстве своего обычного места жительства не менее 5 лет, которые непосредственно предшествовали его смерти.

Тем не менее в исключительных случаях, если на момент смерти наследодатель *был очевидно более тесно связан (англ. was manifestly more closely connected)* с государством, гражданином которого он является, применяется право страны гражданства наследодателя (п. 2 ст. 3), то есть независимо от того, является ли оно правом государства его обычного места жительства, а также независимо от периода проживания в данном государстве.

Наконец, в иных случаях наследование регулируется правом государства, гражданином которого являлся наследодатель на момент своей смерти, за исключением случаев, когда на момент смерти умерший был более тесно связан с иным государством;

⁶ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 2.

в таких случаях применяется право этого другого государства (п. 3 ст. 3). Иными словами, в п. 3 ст. 3 Гаагской конвенции 1989 года предусмотрено применение права любого государства, с которым наследодатель был более тесно связан, независимо от гражданства и времени проживания в нем, при одновременном соблюдении следующих условий:

- страна обычного места жительства умершего не совпадает со страной, гражданином которой он являлся на момент смерти;
- наследодатель менее 5 лет до момента своей смерти проживал в государстве, гражданином которого не являлся на момент смерти;
- наследодатель имел более тесную связь с государством, гражданином которого он не являлся, чем с государством своего гражданства.

Такое нестандартное применение принципа наиболее тесной связи в качестве *escape clause* исследователем в области частного права Ив Лекет (*Yves Lequette*) назвал единственным по-настоящему оригинальным инструментом Конвенции [Lequette, 1994, с. 177].

Наряду с принципом наиболее тесной связи Гаагская конвенция 1989 года закрепила и принцип единства наследственной массы, отраженный в материальной области действия статута наследования, охватывающий хотя и строго определенный, но весьма широкий круг вопросов, который может быть расширен в силу прямого указания внутреннего законодательства. Согласно ст. 7 Гаагской конвенции 1989 года, статут наследования регулирует следующий круг вопросов:

- определение круга наследников по закону и по завещанию, взаимные доли данных лиц, обязательства, возложенные на них наследодателем, а также права на наследство в силу смерти, включая суммы, которые взимаются с наследства органами судебной и иной власти в пользу лиц, приближенных к наследодателю;
- лишение наследства и признание наследника недостойным;

– наследственная масса, обязательные доли в наследстве и иные ограничения свободы распоряжения имуществом на случай смерти – именно в этом пункте обеспечивается принцип единства наследственной массы.

Идея о применении принципа наиболее тесной связи в делах международного наследования была успешно реализована на уровне Европейского Союза, в котором унификация коллизионного регулирования в делах международного наследования была ознаменована принятием Регламента ЕС № 650/2012, который вступил в силу 17 августа 2015 года. Регламент ЕС № 650/2012 предусматривает применение права страны, с которой наследодатель наиболее тесно связан, в исключительных случаях и при отсутствии выбора права наследодателем при жизни. Регламент ЕС № 650/2012 является в полной мере унифицирующим актом ЕС, поскольку он в обязательном порядке применяется во всех государствах-членах ЕС, кроме Великобритании, Ирландии и Дании, и со дня вступления в силу (с 17 августа 2015 года) полностью исключает применение национальных коллизионных норм государств-членов ЕС в делах международного наследования.

Следует отметить, что, в сравнении с Гаагской конвенцией 1989 года, Регламент ЕС № 650/2012 предусматривает гораздо более широкое применение принципа наиболее тесной связи в делах международного наследования при отсутствии сложной системы коллизионных привязок. Так, согласно п. 1 ст. 21 Регламента ЕС № 650/2012, если иное не предусмотрено положениями Регламента, правом, применимым ко всей совокупности наследства, является право государства, в котором умерший имел свое обычное место жительства на момент смерти. Понятие «*обычное место жительства*» (*фр. résidence habituelle, англ. habitual residence*) до сих пор не получило нормативного определения, однако с учетом п. 24 разъяснений к Регламенту ЕС № 650/2012 и практики Суда ЕС⁷ под ним понимается по-

⁷ CJCE 17 févr. 1977, Di Paolo, affaire 76/76; CJCE 23 avril 1991, Ryborg, affaire 297/89; CJCE 2 avril 2009, A., affaire 523/07. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/>

стоянный или обычный центр жизни лица, его социальных и семейных интересов, который должен быть установлен в каждом случае с учетом всех обстоятельств конкретного дела (длительность и регулярность пребывания, намерение умершего установить там свой центр жизни, место получения доходов и т.п.).

Если в исключительных случаях из совокупности обстоятельств дела следует, что на момент своей смерти умерший демонстрирует явно более тесные связи с государством, отличным от государства, право которого подлежит применению в силу п. 1, то право именно этого государства признается применимым к наследованию (п. 2 ст. 21 Регламента ЕС № 650/2012). Европейский законодатель предусмотрел применение данной оговорки в качестве *escape clause* в тех ситуациях, когда все элементы наследования находятся в каком-либо государстве, включая предыдущее место жительства наследодателя, если последнее место жительства было установлено незадолго до смерти наследодателя [Popescu, 2014, p. 45].

Обращает на себя внимание и тот факт, что европейский законодатель не стремится в этой связи стимулировать применение национального права какого-либо государства-члена ЕС, поскольку ст. 20 Регламента ЕС № 650/2012 содержит прямое указание на применение права любого государства, к которому отсылает коллизионная норма Регламента, даже в том случае, если данное применимое право не является правом государства-члена ЕС.

Возвращаясь к вопросу о недостатке коллизионной привязки к праву *последнего* места жительства наследодателя на момент смерти в сравнении с *обычным* местом жительства, следует обратить внимание на еще одно качественное отличие Регламента ЕС № 650/2012 от Гаагской конвенции 1989 года, которое заключается в том, что европейский акт не устанавливает условий о сроке проживания, которые должны быть соблюдены для того, что государство могло быть признано *обычным* местом жительства (в Гаагской конвенции 1989 года данный срок составляет 5 лет). Из этого следу-

ет, что применимым правом может являться не только право последнего места жительства, но и любого иного государства, где на момент смерти находился действительный центр жизни наследодателя.

Что касается привязки к праву страны гражданства наследодателя, то она предусмотрена исключительно для случаев, когда наследодатель самостоятельно осуществляет выбор применимого к наследованию права при жизни, причем данный выбор права является безальтернативным (п. 1 ст. 22). В международном наследовании по закону авторы Регламента сделали принципиальный выбор в пользу привязки к последнему обычному месту жительства наследодателя (*фр. la dernière résidence habituelle*) неслучайно. Данный отказ от привязки к стране гражданства наследодателя был обусловлен, во-первых, сложностью определения применимого права в случае наличия у наследодателя нескольких гражданств, а во-вторых, трудностями разрешения тех ситуаций, когда наследодатель учреждает собственность и владеет ею в государстве, отличном от государства гражданства. В последнем случае суды государств-членов ЕС фактически не обладали бы достаточной компетенцией в отношении имущества, находящегося на подсудной им территории, поскольку данное имущество регулировалось бы правом иного государства, которое не является правом суда (и которое, соответственно, менее знакомо суду, чем свое собственное). Авторы Регламента стремились прежде всего обеспечить применение судом своего национального права, что в большей степени достигается посредством привязки к обычному месту жительства. Ряд авторов выделяют также иные преимущества привязки к праву последнего обычного места жительства умершего в сравнении с правом гражданства:

1) применение данной привязки ведет в большинстве случаев к применению закона страны, с которой наследование имеет действительные и существенные связи, поскольку обычное место жительства находится в месте, где наследодатель установил свой «центр жизни» и где находятся его основные личные и имущественные

интересы, и именно в этой стране зачастую живут близкие наследодателя, которые являются потенциальными наследниками, и сконцентрировано наследственное имущество;

2) отсылка основной коллизионной нормы ведет к применению права места открытия наследства;

3) применение закона последнего обычного места жительства позволяет подчинить одним и тем же правилам наследования всех лиц, избегая применения дифференцированного регулирования в отношении лиц, являющихся гражданами данного государства, и иностранцев, и именно этот аргумент стал ключевым в выборе общеевропейского законодателя;

4) в отношении наследования между супругами исследуемая привязка, как правило, позволяет совместить право, регулирующее наследование, с правом, которое регулирует режим собственности супругов [Вонони, Ваутелет, 2015].

Следует отметить, что помимо успешного введения принципа наиболее тесной связи в качестве субсидиарной коллизионной привязки, в Регламенте ЕС № 650/2012 последовательно реализован принцип единства наследственного статута, включая принцип единства наследственной массы. В ст. 23 Регламента, регулирующей сферу действия применимого права, прямо установлено, что применимое право, определенное на основании положений ст. 21 (общие правила определения применимого права) и ст. 22 (выбор права) Регламента ЕС № 650/2012, регулирует всю совокупность наследования. В п. 2 указанной статьи уточняется сфера действия применимого права, которое регулирует буквально все аспекты международного наследования, а именно:

a) основание, время и дата открытия наследства;

b) определение самих бенефициаров, а также их долей и обязательств, которые могут быть возложены на них умершим; определение иных прав на наследство, включая наследственные права пережившего супруга или партнера;

c) наследственная правосубъектность;

d) лишение наследства или лишение

права наследовать недостойных наследников;

e) переход имущества, прав и обязанностей, составляющих наследство, к наследникам и, в зависимости от случая, к легатариям, включая условия и последствия принятия наследства или вычета из наследственной массы либо отказа от них;

f) полномочия наследников, душеприказчиков и других управляющих имуществом в том, что касается продажи имущества, выплат кредиторам, с соблюдением прав, предусмотренных в п. 2 и 3 ст. 29;

g) ответственность по долгам, которыми обременено наследство;

h) свободно отчуждаемая по завещанию доля имущества (*фр. quotité disponible*), обязательные доли в наследстве и иные ограничения распоряжения имуществом *mortis causa*, а также права, которые могут предъявлять близкие наследодателя в отношении имущества и наследников;

i) отчет о подаренном имуществе и его восстановление при расчете частей различных бенефициаров;

j) распределение наследственной массы.

Следует отметить, что статут наследования, установленный в соответствии с положениями коллизионных норм европейского права, регулирует и наследственную правосубъектность (п.п. «с» п. 2 ст. 23 Регламента ЕС № 650/2012), которая регулируется личным статутом физического лица даже в государствах, придерживающихся принципа единства статута наследования (например, Испания). Данное утверждение справедливо и в отношении России: несмотря на то, что общая коллизионная привязка указывает на применимость права последнего места жительства наследодателя, право наследовать, входящее, согласно ст. 18 ГК РФ, в гражданскую правоспособность, определяется на основании личного закона физического лица, которым считается право страны, гражданство которой имеет лицо (п. 1 ст. 1195 ГК РФ). Несмотря на то, что применение положений Регламента ЕС № 650/2012 может привести к позитивным и негативным конфликтам юрисдикций [Морун, 2013, с. 46-47], можно утверждать,

что в Регламенте ЕС № 650/2012 последовательно и наиболее полно отражен принцип единства наследственного статута, что является позитивной практикой, перспективной с точки зрения заимствования в отечественном законодательстве.

Выводы

Обзор российского коллизионного регулирования наследования по закону, осложненного иностранным элементом, показал, что действующие положения ст. 1224 ГК РФ не свободны от несовершенств. В результате проведенного сравнительного анализа коллизионных норм ГК РФ, Гаагской конвенции 1989 года и Регламента ЕС № 650/2012 можно сделать следующие выводы.

Во-первых, особенность действующего в РФ коллизионного регулирования наследования по закону, выражающаяся в расщеплении коллизионной нормы и возможности одновременного применения трех коллизионных привязок, не в полной мере соответствует традиционному для стран континентальной правовой семьи принципу универсальности правопреемства, а именно принципу единства наследственной массы. Идея единства и неделимости статута наследования была сформулирована в Гаагской конвенции 1989 года и последовательно воплощена в Регламенте ЕС № 650/2012, в ст. 23 которого содержится не только прямое указание на то, что все наследственные правоотношения регулируются правом, применимым в силу указания коллизионной нормы, но и перечень вопросов, которые регулируются статутом наследования. Вероятно, данный подход, примененный и в Гаагской конвенции 1989 года, и в Регламенте ЕС № 650/2012, может быть заимствован российским законодателем, поскольку конкретизация объема коллизионной привязки путем составления примерного перечня вопросов наследования, к которому применяется статут наследования, способствовало бы повышению правовой определенности в коллизионном регулировании наследования по закону. Следует заметить в этой связи, что такая

техника не является новой для российского международного частного права: к примеру, ст. 1205.1 ГК РФ определяет открытый перечень вопросов, регулируемых правом, подлежащим применению к вещным правам.

Во-вторых, трудность полной реализации принципа универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях, который во многом обусловлен единством статута наследования, объясняется также тем, что недвижимое имущество в Российской Федерации входит в сферу публичного интереса. С учетом того, что тесная связь с землей считается традиционным признаком недвижимости, перспектива регулирования имущества, внесенного в реестр РФ, правом, отличным от права России, в настоящий момент представляется трудно реализуемой. Однако с учетом европейского опыта и попытки унификации, предпринятой Гаагской конференцией по международному частному праву, данный вопрос требует дальнейшего изучения в целях поиска возможных путей наиболее полной реализации принципа универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях, осложненных иностранным элементом.

В-третьих, действующее российское коллизионное регулирование фактически не позволяет применить право государства, отличное от права страны последнего места жительства наследодателя на момент смерти. Коллизионная привязка к праву *последнего* места жительства наследодателя в достаточной мере обеспечивает предсказуемость правового результата, однако последние изменения регулирования в зарубежных странах показывают, что эта привязка далеко не во всех случаях приводит к применению именно того права, которое по существу наиболее тесно связано с правоотношением, и существуют иные пути решения коллизионного вопроса в данной категории дел. В европейском праве используется, как представляется, более удачная коллизионная привязка к праву *обычного* места жительства наследодателя – действительному центру жизни лица, который устанавливается в каждом случае с учетом конкретных

обстоятельств дела, чего не позволяют действующие положения права России о месте жительства. Вместе с тем для преодоления недостатков российского правового регулирования представляется достаточным установить в качестве дополнительной коллизионной привязки к праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, привязку к праву страны, с которой наследодатель на момент смерти имел наиболее тесную связь. В частности, п. 1 ст. 1224 ГК РФ может быть дополнен абзацем

вторым, в котором устанавливалась бы возможность применения к правоотношениям наследования права государства, с которым на момент смерти наследодатель имел явно более тесную связь, чем с государством, где он имел последнее место жительства. Такая формулировка статьи соответствовала бы как позитивной европейской практике, так и общей тенденции российского международного частного права к расширению применения гибкого коллизионного регулирования.

Литература

1. Абраменков М.С. Наследование как разновидность универсального правопреемства: теоретические и практические проблемы в аспекте международного частного права / М.С. Абраменков // Журнал российского права. – 2007. – № 11.
2. Абраменков М.С. Проблемы коллизионно-правового регулирования наследственных правоотношений в современном международном частном праве: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03 / Михаил Сергеевич Абраменков. – Москва, 2007.
3. Ботанцов Д.В., Малкин О.Ю. Применение нотариусами коллизионных норм в сфере наследственных отношений // Актуальные проблемы права: материалы IV международной научной конференции (г. Москва, ноябрь 2015 г.). – М: Буки-Веди, 2015.
4. Брун М.И. Введение в международное право / М.И. Брун. – Петроград: Типография В.Ф. Киршбаума, 1915.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу V: Наследственное право / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2013.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2014.
7. Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве / Международное частное право: современная практика / Под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. – М.: ТОН – Остожье, 2000.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный). 2-е издание / под ред. А.П. Сергеева. – Москва: Проспект, 2015.
9. Медведев И.Г. Комментарий к конвенциям в области имущественных отношений супругов и наследования. М.: Волтерс Клувер, 2007.
10. Международное частное право: учебник. / отв. ред. Н.И. Марышева. – М.: Юрист, 2004.
11. Международное частное право: учебник. В 2 т. Т.2: Особенная часть / МГИМО (У) МИД России; [отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова] / Медведев И.Г. Глава 12 «Наследственное право». – М.: Статут, 2015.
12. Морун Н. Международное наследование во Франции и России: содержание и влияние Регламента ЕС 650/2012 // Нотариус. – 2013. – № 6.
13. Настольная книга нотариуса: В 4 т. Т.4: Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности / Под ред. И.Г. Медведева; Центр нотариальных исследований при Федеральной нотариальной палате. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2015.
14. Основы наследственного права России, Франции и Германии / Под общ. ред. Е.Ю. Петрова. – М.: Статут, 2015.
15. Ходькин Р.М. Критерий наиболее тесной связи в международном частном праве / Ходькин Р.М. // Московский журнал международного права. – 2002. – № 4.
16. Ходькин Р.М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве / Р.М. Ходькин // Право и международные экономические отношения. Сборник статей / Отв. ред. Н.Г. Доронина. – М.: Юрист, 2005.
17. Bonomi A., Wautelet P. Le droit européen des successions: Commentaire du Règlement № 650/2012 du 4 juillet 2012 / A. Bonomi, Wautelet P., Oztürk A., Petelli I. – 2ème édition. – Bruylant, 2015.

18. Guide de droit international privé des successions / Dan Andrei Popescu, Maître de conférences; trad.: Loredana Vlăsceanu - Onești: Magic Print, 2014.
19. Lequette Y. Le droit international privé de la famille à l'épreuve des conventions internationales / Y. Lequette // Recueil des Cours de l'Académie de droit international de la Haye (Vol. 246), 1994.

Problems of the Applicable Law Determining in Intestate Succession Cases in Russia and Foreign Countries

Elena V. Vershinina*, *Alexandra D. Fokina***

Abstract. The article refers to the issues of applicable law determination for intestate succession cases in Russia and is seeking for feasible solutions basing on foreign experience. The goal of the research consists in finding the ways to improve the Russian private international law in force. For the purpose, the authors have conducted a comparative analysis of the advantages and the disadvantages of the Russian and foreign legal acts containing intestate succession conflict of laws rules. The introduction focuses on the essence of the difficulties related to the unification of intestate succession legal regulation. The main part of the article outlines the imperfections of the Civil code of the Russian Federation, such as *dépêçage* of the conflict of laws rule and connecting factor of last residence that does not always allow to apply the law that is really connected to the hereditary relation. The following part provides the insights of the intestate succession conflict of laws regulation in the Hague Convention on the Law Applicable to Succession to the Estates of Deceased Persons concluded on August 1st, 1989 and in Regulation (EU) No 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession. The conflict of laws regulation of these acts leads to the conclusion that the valid article 1224 of the Russian Civil code could be improved. For instance, the authors suggest to apply the closest connection principle and to implement the principle of the unity of the succession in Russian private international law.

Keywords: intestate succession; applicable law; the closest connection; Regulation EU ; the Hague Convention.

References

1. Abramnikov M.S. Nasledovanie kak raznovidnost' universal'nogo pravopreemstva: teoreticheskie i prakticheskie problemy v aspekte mezhdunarodnogo chastnogo prava [Inheritance as a kind of universal succession: theoretical and practical problems in the aspect of international private law] // Zhurnal rossijskogo prava. – 2007. – № 11.
2. Abramnikov M.S. Problemy kollizionno-pravovogo regulirovaniya nasledstvennyh pravootnoshenij v sovremennom mezhdunarodnom chastnom prave [Problems of conflict of laws regulation in hereditary relations in modern private international law]: avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.03. Moscow, 2007.
3. Botancov D.V., Malkin O.Yu. Primenenie notariusami kollizionnyh norm v sfere nasledstvennyh otnoshenij [Use of conflict of laws rules in the field of inheritance relations by notaries] // Aktual'nye problemy prava: materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, noyabr' 2015 g.). – M: Buki-Vedi, 2015.

.....
* Elena V. Vershinina – Associate professor of the Chair of International Private and Civil Law MGIMO-University MFA Russia, Member of Russian Association of Lawyers, Member of Russian Association of International Law. elena.v.vershinina@gmail.com.

Alexandra D. Fokina – Postgraduate student of the Chair of International Private and Civil Law MGIMO-University MFA Russia, Member of Russian Association of International Law. alexandra-fokina@mail.ru.

4. Brun M.I. Vvedenie v mezhdunarodnoe pravo [Introduction to international law]. Petrograd: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1915.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Postatejnyj kommentarij k razdelu V: Nasledstvennoe pravo [Civil code of the Russian Federation. Commentary to section V: Inheritance law] / Pod red. P.V. Krasheninnikova. – Moscow: Statut, 2013.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Postatejnyj kommentarij k razdelu VI [Civil code of the Russian Federation. Private international law. Commentary to section VI] / Pod red. P.V. Krasheninnikova. – Moscow: Statut, 2014.
7. Kabatova E.V. Izmenenie roli kollizionnogo metoda v mezhdunarodnom chastnom prave [Change of the role of conflict of laws method in private international law] / Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennaya praktika / Pod red. M.M. Boguslavskogo i A.G. Svetlanova. – M.: TON – Ostozh'e, 2000.
8. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' tret'ya (postatejnyj) [Commentary to the Civil code of the Russian Federation. Part three]. 2-e izdanie / pod red. A.P. Sergeeva. – Moscow: Prospekt, 2015.
9. Medvedev I.G. Kommentarij k konvenciyam v oblasti imushchestvennyh otnoshenij suprugov i nasledovaniya [Commentary to the conventions in the field of property relations of spouses and inheritance]. Moscow: Volters Kluver, 2007.
10. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik [Private international law: textbook] / otv. red. N.I. Marysheva. – Moscow: Yurist, 2004.
11. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik V 2 t. T.2: Osobennaya chast' [Private international law: textbook. In 2 v. Volume 2: Special part] / MGIMO (U) MID Rossii; [otv. red. S.N. Lebedev, E.V. Kabatova] / Medvedev I.G. Glava 12 «Nasledstvennoe pravo». – M.: Statut, 2015.
12. Morun N. Mezhdunarodnoe nasledovanie vo Francii i Rossii: sodержanie i vliyanie Reglamenta ES 650/2012 [International inheritance in France and Russia: the content and impact of EU Regulation 650/2012] // Notarius. – 2013. – № 6.
13. Nastol'naya kniga notariusa: V 4 t. T.4: Mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ugolovnoe pravo i process v notarial'noj deyatel'nosti [Reference book of the notary: In 4 v. Vol. 4: Private international law, criminal law and procedure in notarial activities] / Pod red. I.G. Medvedeva; Centr notarial'nyh issledovanij pri Federal'noj notarial'noj palate. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moscow: Statut, 2015.
14. Osnovy nasledstvennogo prava Rossii, Francii i Germanii [Fundamentals of Russia, France and Germany inheritance laws] / Pod obshch. red. E.YU. Petrova. – M.: Statut, 2015.
15. Hodykin R.M. Kriterij naibolee tesnoj svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave [Criterion of the closest connection in private international law] / Hodykin R.M. // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2002. – № 4.
16. Hodykin R.M. Istoriya i razvitie koncepcii naibolee tesnoj svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave [History and development of the concept of the closest connection in private international law] / R.M. Hodykin // Pravo i mezhdunarodnye ehkonomicheskie otnosheniya. Sbornik statej / Otv. red. N.G. Doronina. – M.: Yurist, 2005.
17. Bonomi A., Wautelet P. Le droit européen des successions: Commentaire du Règlement № 650/2012 du 4 juillet 2012 [European Law of Succession: Commentary to the Regulation (EU) № 650/2012 of 4 July 2012] / A. Bonomi, Wautelet P., Oztürk A., Petelli I. – 2ème édition. – Bruylant, 2015.
18. Guide de droit international privé des successions [Guide on private international law of succession] / Dan Andrei Popescu, Maître de conférences; trad.: Loredana Vlăsceanu - Onești: Magic Print, 2014.
19. Lequette Y. Le droit international privé de la famille à l'épreuve des conventions internationales [Private international law of the family to the test of international conventions] / Y. Lequette // Recueil des Cours de l'Académie de droit international de la Haye (Vol. 246), 1994.